

Бабушка была на суете, дед на паузе.

- Сейчас же надень шапку! – крикнула на меня бабушка, закрыв собой выход из дома.
- Пока, бабуль, мне пора, – добродушно сказал я, сделав вид, что не заметил приказа.
- Надень шапку! – повторила она для своего наивного внука.
- Ба, ну какая шапка? Не холодно же, – пытаюсь скрыть раздражение, продолжал я заведомо проигранное сражение.
- Немедленно надень шапку, осень на дворе! – Она не слушала, что я говорил.
- У меня ее даже нет с собой, мне не холодно, – отмахнулся я, пытаюсь обойти бабушку и скользнуть в дверь.
- Тогда надень капюшон, – не растерялась бабушка, уткнув руки в бока.
- Нет.
- Да.
- Нет.
- Да!
- Нет!
- Надень капюшон, кому сказала!

Шансов обойти примерно стопятидесятикилограммовую бабулю в узком коридоре не было. Много раньше меня это понял дед, который всю словесную битву стоял за нами и ждал, пока я выйду на улицу, чтобы последовать за мной и сесть в «жи-

гули», на которых мы должны были отправиться на вокзал.

- Надень капюшон! – неожиданно сзади раздался суровый возглас деда – даже бабушка вздрогнула.

После того как я накинул капюшон и, едва коснувшись губами рыхлой бабушкиной щеки, вышел из дома, дед, хлопнув входной дверью, повторил: «Надень капюшон». Я поднял брови. «...А потомними! Что ты как маленький?»

К серым «жигулям» я шел, по-дурацки улыбаясь.

Я любил деда по отцовской линии. Деда по материнской линии я тоже любил, но не так, как деда по отцовской. Он выигрывал по всем пунктам: никогда не ругал, уделял мне внимания больше, чем остальным внукам, и всегда давал мне свою машину – без доверенности, не спрашивая, зачем она мне нужна, просто говорил, что ключи лежат в бардачке.

Статный, худой человек с благородными чертами лица. Сколько помню, он всегда был седым, поэтому лет с десяти я его так и звал – Седой. Дед был не против, ему прозвище нравилось.

В популярном сериале «Игра престолов» есть герой, которого зовут сир Джорак, он состоял в рядах миэринских наемников, а затем перешел служить Дейенерис Таргариен. Один из самых привлекательных стариков в этом сериале. Так вот, мой дед очень похож был на этого наемника, которого

играет шотландский актер, с той лишь разницей, что охранял он не красивую блондинку – мать драконов, а огромную светловолосую бухгалтершу.

Отслужив три года в армии, он сразу же уехал на три года в тюрьму – в последнюю неделю службы слишком сильно ударил сослуживца. Еще я слышал какую-то историю про хранение пистолета, но подробностей мне так никто и не выдал. Сидел он там же, где и служил, – в Тикси.

Вернувшись на тульские земли после шести напряженных лет на Севере, дед увидел пухловатую, ярко накрашенную брюнетку и решил обзавестись семьей. Девушка не побрезговала поужинать с бывшим зэком. Дед прочитал ей по памяти стихотворение Анны Ахматовой, спустя три месяца они поженились.

В заранее прогретой машине было накурено и уютно. Если бы меня попросили одним словом охарактеризовать машину деда, я бы выбрал слово «курилка». Я провалился в пассажирское кресло и слушал радио, которое здесь звучало всегда, даже если машина была не заведена. Радиоведущие, женщина с мужчиной, эмоционально спорили по поводу внешней политики России, иногда принимая звонки от слушателей. Спустя минуту я понял, что они не спорят, а подначивают друг друга, чтобы выйти на новый виток экспрессии. Дед закрывал ворота своего гаража. Я бы и сам их закрыл, но подумал, что этого не нужно делать, поскольку дед редко, уезжая, закрывает гараж, и просто сел в машину.

Самому бы деду и в голову не пришло скомандовать мне закрыть ворота.

Постарев и ослабнув, он все равно никогда не просил почистить снег у дома или поменять резину на «жигулях». Если я вовремя не приходил, он справлялся сам, даже если работа ему стоила сорванной спины. Нет, он не был гордым. Просто не любил кого-то напрягать. И сам не сильно напрягался, если в том не было острой необходимости.

Упав в машину, дед застыл, затем громко выдохнул и, немного передержав педаль сцепления, тронулся.

Несмотря на то что дед сидел за баранкой около сорока лет, он все равно не стал хорошим водителем. Конечно, рулил ровно и на тормоз нажимал плавно, но его стиль вождения был чрезвычайно нудным: он не разогонялся; плохо видел дураков на дороге и всегда им удивлялся; если впереди маячил поворот, он начинал тормозить метров за пятьсот, как будто рулил не машиной, а парусной лодкой.

«Достали, придурки», – сказал дед, делая радио тише. Такое ощущение, что это придурки сами подключились к дедовым «жигулям» и с утра до вечера

что-то громкогласно ему рассказывали, а не дед им позволил круглосуточно жить в его машине. Ясное дело, реплика была специально для меня. Когда через пятнадцать минут я выйду у вокзала, он вернет громкость на прежний уровень. А сейчас нет необходимости в придурках, потому что есть я.

Я знал, что происходит в жизни деда, – его стандартный день состоял из телевизора, поездок на рынок и за колодезной водой, еще он мог по два часа сидеть в «курилке» и слушать придурков. А дед в целом имел представление, что происходит со мной – вернулся из армии, женился, переехал в Москву, работаю где попало, занимаюсь музыкой, – поэтому мы не вели бессмысленные диалоги о жизни. Могли обсудить снесенную недавно остановку или жизнь бродячих кошек, которых дед втайне от бабушки кормил в гараже.

Были времена, когда дед выпивал, тогда он, поймав нужную волну, подолгу рассказывал мне длинные фантастические истории из своей жизни.

Сначала дед был в большом спорте: с водкой, застольями, драками, проигранными машинами. Благо, работая бригадиром на строительстве котельных, он имел для этого все ресурсы. Затем, когда его четырнадцатилетний сын пообещал спустить деда с лестницы, если тот еще раз придет в нетрезвом состоянии домой, дед зашил. На десять лет. Жизнерадостности при этом не растерял.

Сын подрос, женился, начали появляться внуки. Дед дождался ранней пенсии и вернулся в игру на легких условиях: после обеда он шел в магазин и брал пять бутылок пива «Балтика 9», которые выпивал в течение длинного вечера. Когда пустые бутылки заполняли весь балкон, дед брал меня, и мы шли сдавать их, на вырученные деньги покупали полные бутылки.

Каждую неделю в воскресенье меня с остальными детьми отправляли к бабушке с дедушкой. Насладившись фирменной жареной картошкой от бабули (фирменной она была из-за обилия подсолнечного масла – дома такую не готовили) и мультфильмом про человека-паука, я шел к деду на кухню, чтобы послушать его героические истории.

Если на второй бутылке дед мог быть артиллерийским лейтенантом, то ближе к пятой он сам себя повышал до гэрэушного майора. «Помню, высадились мы в Афганистане» – типичное начало истории. «После этой операции мне еще Героя Советского Союза дали», – опережая события, продолжал дед. «Седой, а звезду покажешь?» – заинтригованно спрашивал я. «На старой квартире остались. Железяки все это». Я верил, не догадываясь, что сюжеты

для своих историй дед брал из сериалов, которые смотрел в течение недели. Готовился.

Уже в детстве я обращал внимание на некоторые несостыковки, но дед их филигранно нивелировал. Конечно, он мог рассказать мне, как стройбатовским сержантом дембельнулся прямо в тюрьму, но вряд ли бабушка оценила бы такую искренность. О том, что он три года сидел, она мне, стесняясь, рассказала в присутствии деда, когда я вернулся из армии. Старики не знали, что эта информация была давно открытой в нашем доме.

Как-то раз дед не стал дожидаться, когда нас заберут родители, и под суетливое ворчание бабушки упаковал нас в свою «Волгу» (тогда у него была «Волга»), чтобы отвезти домой. Мы любили его огромную белую «Волгу» с кожаным диваном сзади. Сюрприз не удался. По дороге нас остановил милиционер и после короткого разговора с дедом сел за руль, приказав деду сесть на пассажирское. «Дядя, а почему вы везете нас домой?» – поинтересовался я, глядя на огорченного деда. «Потому что ваш дедушка неправильно себя повел, – ответил он мне и презрительно добавил деду: – Стидно должно быть». Я не понимал, почему дед терпит подобный тон. Стидно должно было быть милиционеру.

Деда лишили прав на три года, но, что хуже, на несколько месяцев нам запретили навещать бабушку с дедушкой. Чертов милиционер!

«Газелисты совсем оборзели!» – выругался дед, засовывая бычок в пепельницу, которая стояла на неиспользуемом (когда-то сорванном) ручнике. Впрочем, сигнальщик он «газели», подрезавшей нас, не стал. «Кто вообще идет работать водителем “газели”?» – поддержал я любимую тему деда. «Кто... козлы!» – среагировал дед. Я засмеялся.

Я часто смеялся в присутствии деда. С ним я чувствовал себя хорошо и спокойно. Я знал, что если прямо сейчас мы вылетим в кювет, дед не будет паниковать, а просто скажет что-то типа: «Давно надо было отвезти это корыто на помойку», а когда мы выберемся из машины, добавит: «Бабке не говори, что в Москву опоздал».

Сколько себя помню, бабушка всегда была недовольна дедом. Раньше много пил, даже гулял, говорят; теперь много курит и сидит в своей «проклятой машине». Бабушка могла без остановки пулеметной очередью высказывать деду свои претензии: молоко он не такой жирности купил, воды привез на баклажку меньше, кухня вся прокурена, вонючие кошки в гараже, документы на машину просрочены, а он дал ее мне... Дед курил и слушал все это как радио, что звучит у него в «жигулях», даже не оглядываясь

в ее сторону. Когда вторая подряд сигарета кончилась, дед с улыбочкой говорил: «Я хоосий, ба!» и уходил к телевизору – реклама кончилась.

- Седой, ты, наверное, меня на повороте высади, чтоб не кружиться там, – вспомнил я о толкающихся автобусах на нашем маленьком вокзале.
- А я никуда не тороплюсь. Покружимся.
- Ну как знаешь.
- Ага.

Друзья и сослуживцы у него умерли. Из дальних родственников он ни с кем не общался. Иногда в городе попадались мужики, с которыми он строил котельные, но он всегда как-то без интереса с ними здоровался. «Ладно, пойдем мы. Внуку мороженое надо купить», – прощался он, крепко пожимая руку. Рука у него была крепкой до самой смерти – сухая и длинная, – я любил ее жать и пытался соответствовать.

Окончательно пить он перестал после той истории с двухсторонним воспалением легких. Тогда я учился в своем первом университете, который к тому времени еще не успел бросить. Приехал из Москвы навестить его. На третьем этаже больницы я назвал нашу с дедом фамилию. «Елисеич, что ли? – слишком радостно ответил мне врач. – В пятой палате его найдешь». Дед занял самую козырную койку в палате – у окна.

- Здорово, Седой! – жал я ему руку дольше обычного.
- Ого, ты чего здесь? – улыбался дед.
- Тебя приехал навестить.
- Да хватит, что ль!
- Ваш чай, товарищ полковник! – раздался мужской голос за спиной.

Дед не подал вида, что это к нему.

- Горячий, с пятью ложками сахара, как и присил. – Обойдя меня, мужик в больничном халате поставил на полку деда алюминиевую кружку.
- Ага, – сдался дед.

Я не стал делать удивленного лица. Мне ли не знать военных подвигов деда.

- Внук? – не отставал мужик.
- Внук-внук. Иди уже, – скомандовал дед, привставая.
- Хорошие у тебя условия тут, – улыбнулся я деду.
- Да ничего, ага.

Я уехал обратно в Москву делать вид, что учусь, а дед остался в больнице делать вид, что лечится.

Условия в этой больнице если и были хорошие, то уж точно не в плане санитарии. Седой от кого-то подхватил туберкулез, и мой отец против воли деда перевез его в другую клинику.

Помимо прописанных таблеток, дед принимал и горячительные напитки вместе со своими соседями-туберкулезниками. «Все равно помирать, так хоть весело». Дед не просил его что-то привозить – все, что ему было нужно, ему поставляли младшие по званию. Они все делали по первому зову – не каждый день лежишь с таким авторитетным и жизнерадостным больным.

Вместо положенного года дед отлежал в больнице четыре месяца и вернулся домой. «Ненавижу врачей. Лучше дома помру». Главврач полюбил деда и на прощание сказал ему: «Елисеич, если не хочешь помереть, как эти, то завязывай». Дед задумался.

Бабушка проявила свой до этого не проявляющийся характер жены декабриста и лечила его что было сил, не отходя ни на минуту. Заразиться не боялась и, как и прежде, спала с ним в одной кровати. Болезнь ушла вместе с желанием выпивать. Не хотелось умирать, как эти...

На смену неожиданно заступил его сын. Развелся, пусть и неофициально, с женой и начал в ежедневном режиме пить, как конь из ведра. Дед и в лучшие свои годы так не употреблял. В какой-то момент живущие рядом с сыном бабушка с дедушкой переехали к нему – присматривать. Теперь дед ходил за водкой сыну. Трясся на кассе, брезгливо укладывал бутылки в пакет и шел похмелять так похожего на него сына.

Как сейчас помню: омерзительно пахнущая кухня, на столе стоят пустые бутылки, немного покушанной еды, куча таблеток и пузырьков, бабушка, отгородившись от нас огромной спиной, мешает в стакане водку с водой для моего папы, который уткнулся головой в забытые на столе руки, дед мрачно курит в углу (там пахнет лучше всего). «Еще не хватало сына пережить», – говорит он и уходит в комнату – реклама кончилась.

Когда ему стукнуло семьдесят, я привез ему семимесячного правнука. «Хороший пацан, – улыбнулся дед, глядя на жизнерадостного ребенка. – Наш человек!»

Через месяц дед захворал и, отказавшись ехать в больницу, умер. Правнука увидел, сына не пережил – реклама кончилась.

На похоронах лежал в открытом гробу, такой же сухой и красивый, как тот шотландский актер, который охранял мать драконов. Бабушка суетилась, чтобы похороны проходили как положено, но иногда замирала и начинала плакать. Мой папа, хоть уже и опохмелился, все равно не мог стоять на ногах – сидел на бордюре возле гроба, руки положил на колени, а голову на руки – любимая поза. Я держал

на руках своего улыбающегося сына. Все в сборе: лежащий, сидящий, стоящий и пока висящий.

Когда гроб опустили, я отдал сына жене и помог папе дойти до ямы. «Кинь землю, Володь», – заперевала за сына бабушка. Папа лишь махнул рукой: «Чего уж там».

Но это все потом, а сейчас я, подцепив с заднего сиденья свой рюкзак, жму сухую руку деда. Хочу сказать ему, как люблю его, но просто крепко жму руку. Мы мужики – объясняемся по-простому.

Я сажусь на левое заднее сиденье автобуса. В окне вижу разворачивающуюся машину деда, машу рукой. Чтобы и я увидел его руку, дед почти полностью вытягивает ее из окна – получается что-то типа немецкого приветствия времен Второй мировой. Немного передержав сцепление, дед трогается.

